

DOI 10.15826/qr.2019.3.418

УДК 94(470)"1768"+94(477)"1768"+316.485.22

УЧАСТИЕ ЗАПОРОЖЦЕВ В ВОССТАНИИ ГАЙДАМАКОВ 1768 Г. (КОЛИВЩИНА)*

Татьяна Таирова-Яковлева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

THE PARTICIPATION OF ZAPOROZHIAN COSSACKS IN THE 1768 HAIDAMAKA UPRISING (*KOLIIVSHCHYNA*)

Tatiana Tairova-Yakovleva

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

Dedicated to the 250th anniversary of the Koliivshchyna, an uprising among Haidamakas in Right-Bank Ukraine in 1768, this article considers the question of the participation and role of Zaporozhian Cossacks. The author raises some fundamental terminological questions: who should be considered a Cossack in the context of the uprising? Why and how did so many Cossacks take part in the movement? What was their role? How did the Zaporozhian Sich and the Haidamaka movement relate to one another? And how did Koliivshchyna differ from previous uprisings? The author considers a number of archival sources which have not been studied previously and carries out comprehensive analysis of the *Kodensky Book*, the most important set of decisions taken by the Polish military court about the Haidamakas. The author concludes that the Zaporozhians, bearers of the “ideological” component of the Haidamaka movement, played a fundamental role. It is proved that the Cossacks played a key part in the Koliivshchyna, for which they were put on trial by both the Russian and Polish authorities. The author substantiates the fact that the participation of the Zaporozhians in the Koliivshchyna was the main reason for the disbandment of the Zaporozhian Sich after the end of the Russo-Turkish war.

Keywords: Cossacks; Russian Empire; Zaporozhian Sich; Zaporozhian Army; Haidamakas.

* *Citation:* Tairova-Yakovleva, T. (2019). The Participation of Zaporozhian Cossacks in the 1768 Haidamaka Uprising (*Koliivshchyna*). In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 969–980. DOI 10.15826/qr.2019.3.418.

Цитирование: Таирова-Яковлева Т. The Participation of Zaporozhian Cossacks in the 1768 Haidamaka Uprising (*Koliivshchyna*) // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 969–980. DOI 10.15826/qr.2019.3.418 / Таирова-Яковлева Т. Участие запорожцев в восстании гайдамаков 1768 г. (Колиивщина) // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 969–980. DOI 10.15826/qr.2019.3.418.

В настоящей статье, приуроченной к 250-летию восстания гайдамаков на Правобережной Украине в 1768 г. (Колиивщины), рассматриваются участие и роль запорожцев в восстании. Поднимаются основополагающие терминологические вопросы, в том числе о том, кого считать запорожцами в контексте данного восстания. Изучается, почему и в какой степени участвовали в нем запорожцы, какова была их роль, как соотносились Запорожская Сечь и гайдамацкое движение, и чем отличалась Колиивщина от предыдущих восстаний. В научный оборот впервые вводится ряд архивных источников и дается всесторонний анализ Коденской книги, важнейшего комплекса решений польского военно-полевого суда над гайдамаками. Делается вывод об исключительной роли запорожцев, носителей «идеологической» составляющей гайдамацких движений. Доказывается, что запорожцы играли ключевую роль в Колиивщине, привлекались к суду как российскими, так и польскими властями. Обосновывается тезис о том, что именно участие запорожцев в Колиивщине стало главным поводом для ликвидации Запорожской Сечи после окончания Русско-турецкой войны.

Ключевые слова: казачество; Российская империя; Запорожская Сечь; Войско Запорожское; гайдамаки.

В 2018 г. исполнилось 250 лет со времен Колиивщины, крупнейшего гайдамацкого восстания на Правобережной Украине – события, которое, как нам представляется, имело большое значение для всей Центрально-Восточной Европы XVIII в., а его последствия были сравнимы с восстанием Б. Хмельницкого.

В данной работе ставится конкретная задача – обозначить ряд ключевых аспектов участия запорожцев в восстании. Основная часть запорожцев проходила по материалам «русского следствия» в Киеве, документы которого в большой степени опубликованы в сборнике «Гайдамацкий рух», а также содержатся в архивах Киева. В исследовании, помимо архивных и опубликованных источников, используются материалы Коденской книги, в которой сохранились 49 судебных дел польского военного суда над гайдамаками, проходившего в Троянове, Кодне и Тетиеве. Многие дела касаются тех же самых лиц и повторяются в различных местах книги, представляя разные этапы следствия.

Следует отметить, что гайдамацкое движение вообще и Колиивщина в частности имеют весьма скромную историографию, не сопоставимую, например, с восстанием Б. Хмельницкого. В последние годы эта тема стала на Украине «неудобной», и даже серьезный юбилей не послужил поводом к широкой научной дискуссии. В разное время к вопросу об участии запорожцев обращались дореволюционные историки [Скальковский; Антонович; Шульгин], польские [Serczyk], советские [Голобуцкий], западные [Kohut; Мірчук; Skinner], современные украинские [Мільчев] и многие другие. При этом три первых автора имели огромное преимущество, так как базировались

на значительных архивных комплексах, которые сами издавали (архив Новой Запорожской Сечи, архив Киевской археографической комиссии и Коденская книга, соответственно). К сожалению, по ряду объективных причин с тех пор так и не появилось работ, обобщивших все группы источников, равно как и комплекса документов, изданных в советское время. А Коденская книга, по всей видимости, не только из-за сложности ее изучения, а преимущественно из-за недоступности издания, в свое время попавшего в спецхран, так и не была введена в должной мере в научный оборот.

Колиивщина, на наш взгляд, оказала существенное и недооцененное влияние на такие события, как разделы Речи Посполитой, ликвидация украинского гетманства и разгром Запорожской Сечи. Недавняя статья о причинах ликвидации Запорожья, в которой не затрагивается фактор гайдамаков и Колиивщины, только подчеркивает актуальность вопроса [Мильчев, Сень].

Необходимо определиться с терминами и понятиями в контексте поставленных задач.

В историографии до сих пор остался открытым основополагающий вопрос: кого в контексте Колиивщины считать запорожцами? На международном конгрессе „ASEEES-MAG Summr Convention ”Images of the Other” (Львов, 26–28 июня 2016 г.) на наш вопрос, кого считать запорожцами, представитель Запорожского университета С. Н. Биливенко ответил достаточно расплывчато: «Того, хто там жив, хто був записаний в курінь». Более четко высказалась Н. Н. Яковенко, подчеркнув, что в протоколах гайдамаков разделяют на «запорожец = воин» и «запорожец = мужик».

В. А. Голобуцкий в свое время писал, что «Польські пани з неприхованою ненавистю ставились до гайдамаків і до запорізьких козаків, між якими вони не вбачали ніякої різниці» [Голобуцкий, с. 376–377]. С такой постановкой вопроса мы не можем согласиться. Голобуцкий не смотрел Коденскую книгу (по крайней мере, он на нее не ссылается). Такое ошибочное мнение можно получить только на основе польских дневников, о фантастическом характере которых написал еще И. Франко [Франко, с. 1–40]¹. Таким образом, польские власти четко выделяли из среды гайдамаков запорожцев. Но кого они ими считали, и кого вообще можно назвать запорожцами в контексте Колиивщины?

Нельзя, на наш взгляд, согласиться и с мнением Я. Шульгина, который писал, что гайдамаков не принимали в Запорожье [Шульгин, с. 6]. И в другом месте: запорожцы «жили в пределах вольностей войска запорожского, однако к запорожскому войску они не причислялись, ибо войско это вследствие влияния русского правительства не имело возможности включить их легально в свою семью» [Там же, с. 144].

¹ Например, Павлу Младановичу во время взятия Умани было семь лет. Его сестра Вероника (Кребс) свои записки писала через 60 лет после событий.

Следует учесть, что в Запорожской Сечи (Войске Запорожском Низовом, далее – ВЗН), в отличие от городского казачества Украинского гетманства (Войска Запорожского), не существовало четких списков или реестра. Это было наследие старинной вольности, традиции которой не изменились и в XVIII в. Показательно, что, когда Запорожье переподчинили власти гетмана, Кирилл Разумовский в 1756 г. запросил именной список запорожцев (впервые в истории) [Антонович, с. 76–77]. Но кошевой всячески отказывался исполнять это указ, ссылаясь на то, что «атаманы же куренные вспомнить всех до единого не могут» [Архів Коша. № 43. С. 234–235].

Интересен вопрос, кого само ВЗН считало запорожцами. Ответ дает наказ Коша, поданный на Комиссию Уложения в 1767 г. Там прямо говорится, что большинство запорожцев, принятых на службу, «по желанию их и по волности... идут в Малую Росию, в Полшу, в Волощину и тамо женятся». ВЗН в своем наказе просило, чтобы эти запорожцы официально числились «под владением и командою Коша войска запорожского низового» [Архив СПбИИ РАН. Ф. 200. Оп. 3. Карт. 1. Д. 171. Л. 7 об. –8]. Таким образом, официальная позиция Сечи была простой: всякий поступивший к ним на службу, ставший православным и прошедший обучение, являлся запорожцем, вне зависимости от того, где он потом жил и чем занимался.

Нам представляется, что именно такая трактовка запорожцев в отношении середины XVIII в. является наиболее точной и оправданной. Запорожцы совершенно не обязательно жили в куренях, но сохраняли связь с Сечью.

Что касается роли Запорожской Сечи и запорожцев в гайдамацком движении, то об этом существует множество мнений. А. Скальковский, например, пытался полностью отрицать участие Коша в организации отрядов «разбойников». Советская историография во главе с В. Голобуцким, действуя в русле «классового подхода» в вопросе отношения Сечи к гайдамакам, весьма примитивно делила запорожцев на старшину и сирому.

Такое же противопоставление делал американский историк П. Мирчук, который заявлял, что рядовым запорожцам не нравилось подчинение Сечи Российской империи, они якобы считали старшину изменниками [Мірчук, с. 108]. Не вдаваясь в подробности, скажем, что этот тезис не выдерживает критики. Например, «рядовой» запорожец М. Железняк возглавил Коливщину именно под лозунгом «золотой грамоты», то есть за присоединение к Российской империи.

Разделяя тезис указанной части историографии о том, что рядовые запорожцы активно поддерживали гайдамаков, подчеркиваем, что совсем не однозначно антигайдамацкой была и позиция старшины. В частности, гетман К. Разумовский просил, чтобы «искоренение воровства при тамошних всех степях (то есть гайдамаков. – Т. Т.) [было] дозволено и определено на самое Низовое запорожское войско». Он уверял, что «козачие зимовники по древнему обычаю защищают

в случае нападения воровского добросовестно там живущие козаки» [Архив ИИ СПбРАН. Ф. 200. Оп. 3. Карт. 1. Д. 71. Л. 1–2].

Мы полагаем, что вопрос об участии запорожцев и их роли в Колиивщине невозможно полностью раскрыть и оценить без учета предыстории как самого гайдамацкого движения, так и создания (воссоздания) ВЗН (Запорожья).

Стоит вспомнить, что Запорожье было уничтожено по приказу Петра I в 1709 г. в наказание за присоединение к гетману И. Мазепе и шведскому королю Карлу XII. С тех пор запорожцы долгие годы скрывались на территории Молдавии. Потеряв веру в союзников Ф. Орлика, запорожцы в 1734 г. приняли предложение императрицы Анны Иоанновны, вернулись на свои старые земли и присягнули на верность России. При этом, как совершенно верно писал В. Антонович, запорожцы «никогда не признавали возможности окончательной уступки юго-западного края Польше и считали своею обязанностью на деле протестовать против совершившегося факта; лишь только возвратились они из своего изгнания в Алешки и возобновили в 1734 г. Сечь в бывших своих угодиях, они немедленно приняли живое участие в возгоревшемся народном брожении» [Антонович, с. 25].

Что касается гайдамацкого движения, то оно возникло на Правобережной Украине и в Диких полях как протест против геополитических реалий, вернувших этот регион под власть Речи Посполитой и уничтоживших там казачество. Движение это не было однозначным. Можно согласиться с Антоновичем, что гайдамаки всегда имели две составляющие: грабительскую и идейную.

Представляется, что именно с возобновлением Запорожской Сечи гайдамацкое движение приобрело другой характер. Мысль эта, на наш взгляд, в историографии не подчеркнута должным образом, хотя многие авторы и отмечали роль запорожцев в привнесении идеологии в гайдамацкие бунты. Например, Я. Шульгин замечал, что именно запорожцы привносили организационную стройность. Но одновременно он писал, что «запорожцы участвовали в гайдамацких отрядах только в небольшом числе» [Шульгин, с. 158].

Мы разделяем мнение Антоновича, что именно под влиянием запорожцев «гайдамачество приобретает вид постоянной организованной войны против шляхетства» [Антонович, с. 26], что подтверждает хроника событий. В 1733 г. восстанавливается Сечь, тогда же происходит первое крупное гайдамацкое восстание, и в 1750 г. восстание происходит вновь. Такое совпадение дат, на наш взгляд, не случайно.

Активность запорожцев на Правобережье становится неприятной неожиданностью для российских властей. Они воссоздавали Запорожье с единственной целью получить опытных союзников в русско-турецких войнах. Но вместе с тем они получили комплекс проблем: вольницу на эфемерной открытой южной границе (представлявшей собой бескрайнее Дикое поле) и постоянный конфликт с Речью Посполитой. Поддержка запорожцами гайдамаков стала причиной бес-

численных жалоб на них со стороны поляков, от простой шляхты до сейма. Русские власти пытались реагировать (больше для вида) на эти жалобы. Но на самом деле слабеющая Речь Посполитая тем самым только давала официальный повод для вмешательства в свои внутренние дела. Так что сама по себе поддержка запорожцами гайдамаков не была причиной для гнева императриц.

Другое дело, что вольный край вызывал недовольство как русских помещиков пограничных губерний, так и украинских с Левобережья, так как туда бежали их крепостные и крестьяне. Украинские гетманы мирились с запорожской вольницей, особенно после их переподчинения их власти. А. Разумовский, как мы видели выше, защищал Сечь и противился насаждению в южных степях инородных элементов. Когда же в гетманстве к власти пришел П. Румянцев, то он считал запорожцев главной опасностью и препятствием для наведения «порядка» в регионе.

Документы, известные в настоящее время, не оставляют сомнения в том, что запорожцы приняли активное участие в Колиивщине. В рапорте к Н. И. Панину от 11/22 июля 1768 г. М. Кречетникова, который арестовывал гайдамаков, говорится, «что 930 человек в Гумане вдруг гайдамаков взято, ис коих по точному разбирательству найдено наших запоросцов 73» [Гайдамацкий рух, с. 387]. Неделий позже Кречетников доносил Панину: «порутчик Кологринов привел 85 гайдамаков, в коем числе 49 запоросцов» [Там же, с. 404].

Только в этих двух рапортах упомянуты 122 запорожца, принимавших участие в Колиивщине. Если еще можно сомневаться в точности определения запорожцев Кречетниковым, произведенного по горячим следам, то уже ордер П. А. Румянцева к кошевому атаману от 24 июля 1769 г. не оставляет сомнения. Он приказывал «не укрывать от наказания... тех людей, которых повседневно приводят ко мне посланные команды из Польши, ловя их в шаиках гаидамацких, а они все показывают себя запорожцами, отлучившимися из Сечи самовольно». Румянцев настаивал, что «вам господин кошевой атаман со всеми старшинами и товариством надлежит отлучить из общества всех таковых, которые недостойны носить почетного имени воина» [Архив СПбИИ РАН. Ф. 200. Оп. 3. Карт. 1. Д. 219. Л. 1–2]. Цифры по результатам захвата колиев под Уманью называл и Н. Репнин (10/21 июля): «взятих 938 человек, между коими действительно по нещастю нашлись 87 запорожских казаков» [Гайдамацкий рух, с. 382].

Не менее убедительным свидетельством участия запорожцев является указ Екатерины II от 12 июля 1768 г. Интересно, что этот императорский указ был подписан Паниным и Голицыным. «Мы с крайним удивлением уведомиться принуждены, что партия запорожских казаков, которых предводители называют себя и подписываются: Максим Железняк, Андрей, атаман каневский куренной, Никита, атаман, Швачка, журиловский куренной, и Андрей Односум, ворвались недавно в Польскую Украину...» [Гайдамацкий рух, с. 393].

Изучение материалов Коденской книги неоспоримо доказывает, что укоренившийся в историографии миф, будто на суд полякам были отданы только королевские подданные (то есть жители Правобережной Украины, входившей в состав Речи Посполитой), а всех подданных императрицы судили в России, не соответствует действительности. Между тем, документы Коденской книги дают четкую классификацию: гайдамаки, запорожцы, заграничные и т. д. Не вызывает сомнений, что польские власти во время следствия не объединяли в одно целое гайдамаков и запорожцев.

Польским военным судом разбирались дела 18 запорожцев, из них по приговору один был колесован (Савко Плыханенко), трое повешены (Гнат Голуб, Федор Базарный, Махим Швец), двое четвертованы (Левко Малый, Клим Белый), шестеро обезглавлены (Федор Гусак, Юско Головчан, Лукьян Сухонис, Давид Горб, Мусий Черный, Иван Лапко), пятеро выпущены (Стефан Билен, Максим Магро Юшко Перевертайло, Иван Гладаренко, Тимош Белый), и судьба еще одного (Ивана Чонкало) неизвестна [Коденська книга]. Заметим, что отпущенные запорожцы вынесли пытки, ни в чем не признались и потому избежали казни.

Истинное же число запорожцев, принимавших участие в Колиивщине, сведения о которых сохранились в Коденской книге, значительно выше. Например, в показаниях гайдамака Кондрата Письменного известно, что он был «z kapralem swoim Burchalem zaporozcem, Ikem uarorocem, Michaiłem Nazarenkem» («с капралом своим запорожцем Бурхалем, Илькем запорожцем и Михалем Назаренко»)² [Коденська книга, с. 2]. В другом месте сообщается, что запорожцы приехали в село Куливки на Великий пост [Коденська книга, с. 25]. В село Квитки пришел «запорожец на временное проживание», а когда началось восстание, он силой заставил всех «заграничных» к нему присоединиться [Коденська книга, с. 3]. Польские судебные дела также содержат сведения о шестерых запорожцах, приехавших из Коша и желавших «быть ватажками», но пойманных польскими властями [Там же, с. 14].

Другое интереснейшее свидетельство из Коденской книги доказывает, что поддержку гайдамакам оказывала и запорожская старшина. Некий Василий Вишневецкий был арестован за участие в Колиивщине и сидел в крепости Елизавета (Российская империя), но «potym zaporoziec nazwiskem Orlik, ataman korenia Stebloskiego, 26 z niniejszym aresztantem pusił wolno» («потом запорожец по имени Орлик, атаман куреня Стебловского, выпустил 26 человек, включая нынешнего арестанта») [Коденська книга, с. 8]. Один из запорожцев, проходивших по следствию в Киеве, передавал слухи, что к Железняку в Умань прибыло «четыре товарища» с письмом «от пана кошевого». Он утверждал и следующее: «говорят де атамани не препяствуя ни в чем: “Боже помагай, ступайте, а потом, может быть, мы и самы пойдем”» [Архив Коша, № 53].

² Украинский текст передается в оригинале латиницей. Здесь и далее пер. с укр. Т. Г. Таировой-Яковлевой.

Очень близко к реальности описывал ситуацию генерал-майор М. Кречетников в письме Н. Репнину от 18 (29) июля. Он писал о запорожцах, что «они обыкновенно из Сечи выходят, не спрашивая никого, а потом уже, соединясь, грабительство делают» [Гайдамацкий рух, с. 403].

Запорожцы в своих показаниях все как один заявляли о существовании «грамоты» или «указа». Когда атаман С. Неживый в лесу около Матронинского монастыря лично познакомился с М. Железняком, он уже от него самого, «так и от собравшихся к нему запорожских и польских казаков слышел он, яко онои Железняк такой указ подлинно имеет, чтобы искоренять поляков за благочестие» [Там же, с. 422]. Самое подробное описание «грамоты» дал запорожец С. Галицкий, который на допросе в Сечи заявил, что во время осады Балты запорожцы предъявили Якубу Аге-Баше «какой-то на листу указ, будто от г. кошевого с Петербурга за собственною рукою к оным гайдамакам присланной, чтобы они всех жидов и ляхов до единого выгубили» [Там же, с. 370].

Документы не оставляют сомнения, что запорожцы участвовали в Колиивщине, искренне желая помочь правобережным единоверцам против зверств Барской конфедерации. Так, запорожец Демьян Чернявченко прямо называл причину восстания: «конфедератные возмутители в Смелянской и Чигиринской ключи (здесь – районах. – Т. Т.) быть имели для всеконечного истребления все тамо жителствующих греческаго исповедания людей» [Гайдамацкий рух, с. 367]. Запорожец Василий Богомаз объяснял, что казаки собрались «в Польшу» «для защищения находящихся тамо благочестивых мнстырей от поляков» [IP НБУВ. Ф. 2. Д. 5878. Л. 67]. Атаман Семен Неживый в письме к командиру гусарского полка Ф. Чорбе перечислял обиды, нанесенные православным жителям Правобережья, и объяснял, что он, «видячи кривду народа православного, собравши казаков, вооружился и тех конфедератов з Украины отогнал, а некоторых ляхов смерти предал» [Костомаров, с. 306–307].

И хотя среди запорожцев были те, которые видели в восстании исключительно возможность наживы, но большинство тоже верило «в указ». К. Браницкий в письме к королю Станиславу Августу с изумлением пересказывал, что пойманные гайдамаки на допросах ссылались на существующие универсалы: «что вышли они на защиту чести своей монархини и в. к. м.» [Konfederacya barska, s. 29]. 23 арестованных генерал-майором Подгоричани запорожца заявили, «что по разсеянному слуху якобы находящиеся в Польше донские казаки принимают запорожцов в помощь против поляков для защищения греческаго исповедания веры и потому, согласясь, пошли в Полшу» [Гайдамацкий рух, с. 449].

Этот ярко выраженный характер «религиозной войны» отличает Колиивщину от других гайдамацких восстаний. К тому же, оно началось именно на Правобережье, и на призыв защитить православ-

ное население активно откликнулись запорожцы, ставшие организующей и самой активной частью восстания, предавшие ему черты регулярных военных действий. Можно заметить, что первые шаги, предпринятые лидерами Колиивщины, очень походили на события начала восстания Б. Хмельницкого и сильно отличались от единичных гайдамацких набегов. Если в прежних случаях базой для сборов обычно становилось Дикое поле или иногда даже киевские монастыри и их владения, то на этот раз колии поставили лагерь прямо на Правобережье, в непосредственной близости от врага. Как докладывал П. Румянцев: «все партии гайдамацкие... соединясь в одно место человек до тысячи в Мотронинском лесу, сделали себе засеку, расстановив отбитые в польских местечках пушки» [Архив военно-походной канцелярии графа П. А. Румянцева-Задунайского, с. 20].

Факт веры в «указ» не вызывает сомнений, равно как и то, что поводом к восстанию послужили расправы участников Барской конфедерации над православным населением Правобережья. Польская шляхта видела в православных угрозу своей государственности, что, в свою очередь, было спровоцировано агрессивной политикой Екатерины II в защиту «диссидентов» [Srogosz, s. 171–183]. Между тем, вопрос происхождения «грамоты» и того, кто стал непосредственным инициатором восстания, остается открытым. В польской историографии существует вера в существование «грамоты», то есть в личную причастность Екатерины II к началу восстания, равно как и убежденность о причастности к этому игумена Мотронинского монастыря Мельхиседека. Например, писали об этом Ф. Равита-Гавронский [Rawita-Gawroński, t. 2, s. 92–97] и выдающийся польский исследователь Колиивщины В. Серчик [Serczyk, s. 281].

Народная украинская традиция именно Мелхиседека считает агитатором и непосредственным организатором. То, что во многих «поздних» польских мемуарах он упоминается как автор «грамоты», неудивительно, если учесть его популярность и громкую историю его ареста [Шпитовський, с. 150; Документы объясняющие историю, с. 456]. К тому же все знали, что гайдамаки собирались в Мотронинском лесу, у монастыря – значит, Мельхиседек. Но игумен не мог организовать восстание, так как его не было на Правобережье. В январе 1768 г. он уехал в Варшаву на сейм, потом до 15 марта болел, а 22 апреля прибыл в Киев. В Мотронинский монастырь он до начала Колиивщины так и не попал [Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. 3. С. 659–660]. Другое дело, что монахи Мотронинского монастыря и его наместник сами активно подключились к поиску защитников и рассылали призывные документы в Запорожье. Но это выходит за рамки данной статьи.

Другими словами, «золотая грамота» была задумана и реализована в союзе православных монахов Мотронинского монастыря, священников Чигиринского староства и запорожцев. Но тайну авторства «грамоты» или «указа» участники восстания унесли с собой.

На допросах в Киеве запорожцы ничего не сказали, и это неудивительно. Даже на пытках в Кодне они ни в чем не признавались и вынуждали польские власти отпускать их по недоказанности. А в России Екатериной II был принят 4-й артикул от 10 февраля 1763 г., запрещающий использование пыток. И запорожцы, руководствуясь своим пониманием чести, старались выгородить прежде всего кошевого атамана. Например, атаман П. Таран прямо заявил, что они «пошли в Польшу без ведома кошевого атамана и войсковой старшины» [Гайдамацкий рух, № 244, с. 425]. Сам М. Железняк тоже утверждал, что «из Сечи Запорожской пошел он, Железняк, в Польшу без ведома кошевого атамана и протчих старшин» [Там же, № 248, с. 437].

Случайное нападение гайдамаков на Балту спровоцировало начало Русско-турецкой войны. Императрица была в ярости: все ее планы были нарушены, а она была вынуждена начать неподготовленную войну. В этих условиях Екатерина II не имела возможности наказывать запорожцев за участие в Колиивщине и постаралась ослабить градус напряженности. В грамоте от 19 декабря 1768 г. к кошевому атаману она примирительно писала: «Что касается до спорных земель между нашим верным войском запорожским и обывателями Екатерининской провинции, то мы повелели нашему киевскому губернатору Воейкову отложить разобрание того до спокойнейших времен» [Архив СПбИИ РАН. Ф. 200. Оп. 3. Карт. 1. Д. 214. Л. 1].

Но победное завершение Русско-турецкой войны сыграло против запорожцев. Отдаление южной границы Российской империи сняло необходимость в ее охране Запорожьем. Настало время вольным казакам поплатиться за свое участие в Колиивщине.

Список литературы

- Антонович В. Исследование о гайдамачестве по актам 1700–1768. Киев : Университет. тип., 1876. 128 с.
- Архив военно-походной канцелярии графа П. А. Румянцева-Задунайского : в 2 ч. / изд. М. О. Судненко // ЧОИДР. М. : Университет. тип., 1865. Ч. 1. 1767–1769. С. 1–270. Архив СПбИИ РАН. Ф. 200. Оп. 3. Карт. 1. Д. 71, 171, 214, 219.
- Архив Юго-Западной России : в 7 ч. Киев : Тип. Е. Федорова, 1864. Ч. 1. Т. 3. 907 с.
- Архів Коша Нової Запорозької Січі: корпус документів 1734–1775. Т. 7. Коліївщина 1768 року в документальній та мемуарній спадщині. Ч. 1. № 53. Киев. (В печати.)
- Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст. Київ : Наукова думка, 1970. 658 с.
- Голобуцький В. О. Запорізька Січ в останні часи свого існування. 1734–1775. Київ : Видавництво Академії наук Української РСР, 1961. 416 с.
- Документы, объясняющие историю западно-русского края и его отношения к России и Польше. СПб : Тип. Э. Праца, 1865. 862 с.
- ІР НБУВ. Ф. 2. Д. 5878.
- Коденська книга // Український архів. Київ : Всеукраїнська академія наук, 1931. Т. 2. 436 с.
- Костомаров Н. Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина. 1882. № 8. С. 297–321.
- Мильчев В., Сень Д. Процесс упразднения Войска Запорожского Низового: амбиции казачества vs интересы империи (1740–1770-е гг.) // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 2. С. 385–402. DOI 10.15826/qr.2018.2.302.

Мирчук П. Коліївщина : Гайдамацьке повстання 1768 р. Нью-Йорк : Наукове товариство ім. Т. Шевченка, 1973. 318 с.

Скальковский А. А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского, составленная из подлинных документов запорожского сечевого архива : в 3 т. Одесса : Тип. А. Шульце, 1885. Т. 1. 302 с.

Франко І. Польська поема про уманську різню // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів : Наукове товариство ім. Шевченка, 1904. № 62. С. 1–40.

Шпитковський І. Мемуар ржищівського тринітарія про Коліївщину // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів : Наукове товариство ім. Шевченка, 1908. № 83. С. 134–157.

Шульгин Я. Очерк Колиивщины по неизданным и изданным документам 1768 и ближайших годов. Киев : Тип. Г. Т. Горчак-Новицкого, 1890. 209 с.

Kohut Z. Myths Old and New : The Haidamak Movement and the Koliivshchyna (1768) in Recent Historiography // Harvard Ukrainian Studies. 1977. № 3. P. 359–378.

Konfederacya barska : Korespondencya między Stanisławem Augustem a Ksawerym Branickim w roku 1768 / wyd. L. Gumpłowicz. Kraków : Kraju, 1872. 225 s.

Rawita-Gawroński Fr. Historza ruchów hajdamackich : 2 t. Lwów : St Bayleg, 1899. T. 2. 297 s.

Serczyk W. Koliszczyzna. Krakow : Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1968. 175 s.

Skinner B. The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in the 18th-Century Poland, Ukraine, Belarus and Russia. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2009. 295 p.

Srogosz T. Początki budowy stronnictwa królewskiego na Ukrainie przez Józefa Gabriela Stempkowskiego (koniec lat sześćdziesiątych – początek siedemdziesiątych XVIII w.) // Przegląd Nauk Historycznych. Łódź : Uniwersitet Łódzki. R. V. Nr 1 (9). S. 171–183.

References

Antonovich, V. (1876). *Issledovanie o gaidamachestve po aktam 1700–1768* [Study of the Haidamaka Movement with Reference to Acts of 1700–1768]. Kiev, Universitetskaya tipografiya. 128 p.

Arkhyv Kosha Novoï Zaporoz'koï Sich: korpus dokumentiv 1734–1775. [Archive of the New Zaporozhian Sich: Documents 1734–1775]. (N. d.). Vol. 7. Koliivshchyna 1768 roku v dokumental'niï t memuarinii spadshchini. Part 1. No. 53. (in print)

Arkhyv SPbII RAN [Archive of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Stock 200. List 3. Carton 1. Dos. 71, 171, 214, 219.

Arkhyv voenno-pokhodnoi kantselyarii grafa P. A. Rumyantseva-Zadunaiskogo v 2 ch. [Archive of the Military Campaign Office of Earl P. Rumiantsev-Zadunaisky. 2 Parts] / publ. by M. O. Sudienko. (1865). In *ChOIDR*. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Part 1. 1767–1769, pp. 1–270.

Arkhyv Yugo-Zapadnoi Rossii v 7 ch. [Archive of South-Western Russia. 7 Parts]. (1864). Kiiv, Tipografiya E. Fedorova. Part 1. Vol. 3. 907 p.

Dokumenty, ob'yasnyayushchie istoriyu zapadno-russkogo kraya i ego otnosheniya k Rossii i Pol'she [Documents Explaining the History of Western Russian Region and Its Relations with Russia and Poland]. (1865). St Petersburg, Tipografiya E. Pratsa. 862 p.

Franko, I. (1904). Pol's'ka poema pro umans'ku riznyu [Polish Poem about the Massacre of Uman]. In *Zapiski naukovoï tovaristva imeni Shevchenka*. L'viv, Naukove tovaristvo imeni Shevchenka. No. 83, pp. 1–40.

Gaidamats'kii rukh na Ukraïni v XVIII st. [The Haidamaka Movement in Ukraine in the 18th Century]. (1970). Kyiv, Naukova dumka. 658 p.

Golobuts'kii, V. O. (1961). *Zaporiz'ka Sich v ostanni chasi svogo isnuvannya* [The Zaporozhian Sich in the Final Period of Its Existence]. Kiiv, Vidavnytstvo Akademii nauk Ukraïns'koï RSR. 416 p.

Gumplowicz, L. (Ed.). (1872). *Konfederacya barska : Korespondencya między Stanisławem Augustem a Ksawerym Branickim w roku 1768*. Kraków, Kraju. 225 s.

IR NBUV [Intitute of Manuscripts. Vernadsky National Library of Ukraine]. Stock 2. Dos. 5878.

Kodens'ka kniga [Book of Kodnia]. (1931). In *Ukrains'kii arkhiv*. Kiïv, Vseukrains'ka akademiya nauk. Vol. 2. 436 p.

Kohut, Z. (1977). Myths Old and New: The Haidamak Movement and the Koliivshchyna (1768) in Recent Historiography. In *Harvard Ukrainian Studies*. No. 3, pp. 359–378.

Kostomarov, N. (1882). Materialy dlya istorii Koliivshchiny ili rezni 1768 g. [Materials for the History of the Koliivshchyna, or the Massacre of 1768]. In *Kievskaya starina*. No. 8, pp. 297–321.

Mil'chev, V., Sen', D. (2018). Protsess uprazhneniya Voiska Zaporozhskogo Nizovogo: ambitsii kazachestva vs interesy imperii (1740–1770–e gg.) [The Disbandment of the Zaporozhian Army (Sich): The Ambitions of the Cossacks and the Interests of the Empire]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 2, pp. 385–402. DOI 10.15826/qr.2018.2.302.

Mirchuk, P. (1973). *Koliivshchina. Gaidamats'ke povstannya 1768 r.* [The Koliivshchyna. The 1768 Haidamaka Uprising]. N. Y., Naukove tovaristvo imeni Shevchenka. 318 p.

Rawita-Gawroński, Fr. (1899). *Historza ruchów hajdamackich: 2 t.* Lwów, St. Bayleg. T. 2. 297 s.

Serczyk, W. (1968). *Koliszczyzna*. Krakow, Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. 175 s.

Shpitkovs'kii, I. (1908). Memuar rzhishchivs'kogo trynitariya pro Koliivshchinu [Memoirs of a Rzhishchiv Trinitarian about the Koliivshchyna]. In *Zapiski naukowego tovaristva imeni Shevchenka*. L'viv, Naukove tovaristvo imeni Shevchenka. No. 83, pp. 134–157.

Shul'gin, Ia. (1890). *Ocherk Koliivshchiny po neizdannym i izdannym dokumentam 1768 i blizhaishikh godov* [Essay about the Koliivshchyna with Reference to Unpublished and Published Documents from 1768 and Other Years]. Kiev, Tipografiya G. T. Gorchak-Novitskogo. 209 p.

Skal'kovskii, A. A. (1885). *Istoriya Novoi Sechi ili poslednego Kosha Zaporozhskogo, sostavlenneya iz podlinnykh dokumentov zaporozhskogo sechevogo arkhiva v 3 t.* [The History of the New Sich, or the Last Kosh of Zaporozhia: Composed of Genuine Documents from the Zaporozhian Sich Archive. 3 Vols.]. Odessa, Tipografiya A. Shul'tse. Vol. 1. 302 p.

Skinner, B. (2009). *The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in the 18th-Century Poland, Ukraine, Belarus and Russia*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press. 295 p.

Srogosz, T. (2006). Początki budowy stronnictwa królewskiego na Ukrainie przez Józefa Gabriela Stempkowskiego (koniec lat sześćdziesiątych – początek siedemdziesiątych XVIII w.). In *Przegląd Nauk Historycznych*. Łódź, Uniwersitet Łódzki. R. V. Nr 1 (9), s. 171–183.

The article was submitted on 26.09.2018